

Евгений Звягин

"Блуждающие огни"

ТОЧАЛЬЩИК

Главное свойство моей души — ненависть. Я ненавижу заплеванные цоколи домов /облики — узнаешь, какие они на вкус/, ненавижу деревья в корявых наростах старости, ненавижу издреватый, посыпанный солью наст. Когда я гляжу из окна на жирные тельца городских сизарей, мне хочется трахнуть себя молотком по щиколотке.

Но все это так — прелюдия сердца. Другое сводит меня с ума — его регулярные появления. О, если б не он — я мог бы считать свою жизнь вполне благоустроенной, себя — одионоким и всем довольным удачником.

Он приходит сюда раз в неделю. Располагается у дверей продуктового магазина — тяжело опускает на землю свой аппарат, надевает жесткий брезентовый фартук.

Я смотрю на него исступленно, не отрываясь. Когда по улицам проходят троллейбусы, важно покачивая боками, — я стучу кулаками по подоконнику, или пытаюсь что-то смажнуть с лица, или разражаюсь неистовым плачем. Потому что они мешают мне смотреть.

Однажды разогнавшийся троллейбус повело в сторону /был гололед, холодно блестела под синим небом наледь на мостовой/, и с него слетела гибкая тростинка троллея. Он стал прямо у моих окон, загородив противоположную сторону улицы. Заулыбались досужие пассажиры. Трудно описать, что я испытал в эти страшные четыре минуты, когда водитель, медлительная скотина, лениво отковыривал приставшую к губе сигаретку, затаптывал ее в грязный снег у поребрика, отвязвал толстую веревку от лесенки на корме катафалка.

Я, задыхаясь, отдернул форточку. И сразу же стало легче — пронзительный, радостный визг наждачного круга о желеzo донесся до моего слуха. Значит, он еще здесь, мой голубчик.

Иногда я спрашиваю себя: а за что, собственно? Впр

чем, лишь в редкие минуты утренней слабости, когда и пальцы-то не сожмешь как следует: Стоит мне взглянуть на листок отрывного календаря /ага, уже два дня осталось/, или на часы /время подходящее/, как меня начинает бить в торжественном и неизбытном ознобе. И наконец — о радость! — он появляется, согбенный под тяжестью своего аппарата. Водрузив его напротив витрины, скрывается за дверью продуктового магазина. Вскоре он выйдет, нагруженный колбасными ножами, мясницкими топорами. Я усаживаюсь на стул поудобнее, иногда со стаканом крепкого сладкого чая, и смотрю, смотрю...

По улице снует редкий прохожий люд. Равнодушные, даже головы не поднимут. Иногда визг наждачного круга царапнет их невпечатлительный слух, обернется... Жалкие! Взглядите на лицо! Сколько сладострастия таит этот масляный блин, весь в ямочках и лоснящихся утолщениях, когда он, ритмически покачиваясь, насиливает своего рогастого дружка! Весь замирая, гляжу на это кощунственное соитие.

Рано смеркается. Ненавижу я сумерки! Мягкая пелена скрывает зрительные рецепторы, взгляд беспомощно вязнет в ультрамариновой массе. До боли в глазах напрягается зрение. Подчас ничего уже не разглядишь, только темный силует на фоне ярко освещенной витрины, да праздничные снопы искр из-под наждачного круга, да легкие багровые отсветы на жирном лице точильщика.

Случилось так, что я заболел. Меня увезли в больницу, долго мучали процедурами. Как я ни рвался оттуда, выпустили только через полтора месяца. Как раз в подходящий день — в среду. С негодованием глядел я на медсестру, которая неторопливо собирала в чулане мои вещи. Времени до его появления оставалось совсем немного. На последние деньги я взял такси. Прибыл во время. Точильщика на его месте не оказалось.

Проклиная себя, все шесть поколений своих узкогрудых

предков, хилое тело свое, я предался жаркому сонму воспоминаний. Ведь он определенно меня замечал! Как придет-глянет в мою сторону с гнусной ухмылочкой. То-то радость! В больнице, где мое чувство несколько поутихло, я старался оберечь его тем, что вспоминал любимые привычки этого человека: зажав ноздрю пальцем, выдувать из другой сочную соплю, пробовать наточенную секиру ногтем, колупать болячку в углу небольшого рта. А теперь его не было!

Всю неделю проскучал я у окна. Что было мне делать? Презирать прохожих? Ненавидеть птиц небесных? Помло и глупо.

И вдруг он появился. Расположился перед витриной. Задрав голову, стал смотреть в мою сторону. Увидев, панибретски мне помахал.

Этот жест все и решил. Взяв самый длинный из своих столовых ножей, дрожа как в лихорадке, я кинулся вниз по лестнице. Едва не попав под хлебный фургон, перебежал улицу. С несказуемым наслаждением впивал я раздувшимися ноздрями его запах — запах прокисшего пива.

— Наточи нож, точильщик! — сказал я ему, изо всех сил стараясь придать тону своего голоса равнодушное выражение. Туница! Он не почувствовал скрытой угрозы в моих словах. И вот я стою перед ним, дрожа от нетерпения, и неотрывно гляжу на лезвие ножа, на котором укрепилась и сверкает, все разрастаясь, широкая зеркальная полоса.

oooooooo